

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
Общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
Издательское республиканское унитарное предприятие
«Мастацкая літаратура»

Главный редактор
Наталия Николаевна КОСТЮЧЕНКО

Редакционная коллегия:
Владимир Андриевич, Алесь Бадак,
Виктор Васильев, Мария Воинова-Стреха, Вадим Гигин,
Александр Коваленя, Тамара Краснова-Гусаченко,
Михаил Поздняков, Елена Попова (председатель),
Олег Пушкин, Николай Чергинец,
Наталя Шарангович, Виктор Шнип

Адрес редакции
Юридический адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: mail@mastlit.by

Почтовый адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: neman@mastlit.by
Телефон: 270-84-65

Подписные индексы:
74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 19.07.2021,
выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Издательское республиканское унитарное предприятие
«Мастацкая літаратура»

Технический редактор, компьютерная верстка, дизайн: *Н. А. Артёмова*
Стильредактор: *О. В. Криводубская*

Подписано в печать 09.06.2025. Формат 70×108 1/16. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 9,95. Тираж 570. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

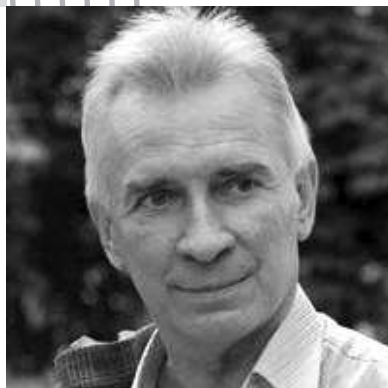
К сведению авторов
Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

© Министерство информации Республики Беларусь, 2025
© ОО «Союз писателей Беларуси», 2025
© УП «Мастацкая літаратура», 2025

Владимир МОЗГО

Я СЛУШАЛ, ДОЖДЬ, МЕЛОДИЮ ТВОЮ...

Стихи

ПРОБУЖДЕНИЕ

Проснуться —
Удивившись дню,
И солнцу изумиться,
Как в первый раз
За жизнь свою
Вновь на земле родиться.

Почуять собственной душой
Свой край,
Его обилие...
И не лопатки за спиной
Расправить мне,
А крылья...

БЕЛЫЕ КОНИ

Как быстрые кони, несутся года,
Упрямые белые кони.
Недавно ты молод был, кажется. Да...
Теперь волос в инее тонет.

И ты сознаешь: не вернуться назад
В ту нежность весеннюю вовсе,
Когда до листочка осыпала сад
Ветрами холодная осень.

И так далеко до грядущей весны,
Которую ждешь в подсознании,
Ведь грезы твои пробуждает и сны
Березовых листьев шуршание...

Как быстрые кони, несутся года,
Упрямые белые кони.
Недавно ты молод был, кажется. Да...
Теперь волос в инее тонет.

Анатолий РЕЗАНОВИЧ

ЗАПАХ МОРЯ

Отрывок из повести

Основной принцип социализма: от каждого по его способностям, каждому по его труду.

*Анри Сен-Симон,
французский социалист*

* * *

В Советском Союзе в семидесятые—восемидесятые годы уже прошлого, двадцатого столетия кто-то ехал за запахом тайги — так тогда называли строительство Байкало-Амурской магистрали, а я, в те времена молодой журналист, много раз отправлялся из Минска в Юрмалу за запахом Балтийского моря, на берегу которого возвышался знаменитый на всю страну Советов ресторан «Юрас перле». В переводе с латышского — «Жемчужина у моря».

Чтобы описать Юрмалу, невозможно не употребить два слова: реальность и сказка. Именно в этом городе появились первая в Советском Союзе пиццерия, первый гриль-бар, первый ночной бар с варьете. В те годы простому, да и не простому человеку это представлялось с трудом. Но так было...

Понятно, что посмотреть на все эти новшества и хорошо, с пользой провести время в курортной Юрмале стремились очень многие граждане со всего СССР. В первую очередь, конечно, обеспеченные. Большинство из них отдыхали здесь душой. Немало любителей свободы и развлечений искали в Юрмале удовольствия для тела. Незначительное количество граждан, которые приезжали в этот небольшой курортный город, жаждали встретить здесь нужных людей и наладить деловые связи. За редким исключением, ни первые из перечисленных категорий гостей Юрмалы, ни вторые, ни третьи никогда не пересекались. Разве что взглядами — в теплую пору на берегу моря, а в холодную на улице Йомас.

Тамара КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО

И ХОЧЕТСЯ ЛЮБИТЬ...

Стихи

НЕ НАГЛЯДЕТЬСЯ...

Не наглядеться,
Не надышаться!
Как больно сердцу
Не рассказать мне.
Что ж оно рвется,
О чем льет слезы?
Да тут — мое все:
Юность, березы...
Здесь родилась я,
Вон в той деревне,
И эта сказка
В крови, наверно.
Крест на погосте,
Могила мамы...
Троицей в гости
Еду с цветами.
Дом за горами
С белым крылечком,

А между нами —
Синяя речка.
Завет был строгим:
*«Господь с тобою,
Бойся лишь Бога,
Будь молодою!»*
Так и живу: всю
Жизнь — молодая,
Бога боюсь и —
Пою, летаю —
Над родной нивой,
Над чистой речкой,
Над детством милым,
Летать бы вечно...
Найти те дверцы,
В них постучаться...
Ах, наглядеться
Да — надышаться!

ДЕД ДАНИЛА

Он пчел смахнул крылом гусиным.
Все: докачал последний мед.
...Пропахший воском, хлебом, тмином
Был дед, и дом, и весь наш род.

И не было лукавству места,
Был труд, да, что ни говори,
Светлы, чисты, как та невеста,
Дни плыли в отблесках зари.

Владимир ТУЛИНОВ

РЕКВИЕМ ЛЕСОВ ВАЛДАЙСКИХ...

Повесть¹

...Комбриг Таранов нервно мерял шагами вдоль и поперек помещение штабной палатки:

— Черт знает что! Как авиаторы не заметили наши костры, сигнал ракетницы?

— Самолет, долетев до нас, вдруг круто ушел правее, куда-то в сторону Глебовщины, — хмуро заявил Васильченко.

— Мы все же, думается, несколько запоздали с поджогом костров, — осторожно высказался Матяхин, — надо было зажечь их на подлете летчиков к площадке.

— Да, промахнулись мы, заранее надо было сигналить, — нехотя согласился Таранов.

— Что значит «промахнулись»? — неожиданно вскипел Васильченко. — Мы зажгли костры точно в тот момент, когда самолет пролетал над площадкой.

Таранов, ни на кого не глядя, усталым голосом пояснил:

— ТБ-3 — я уверен, что это был он — за секунду на небольшой высоте пролетает тридцать метров. То есть через пять секунд после команды «Зажигай», когда костры вспыхнули, он успел удалиться от площадки на полторы сотни метров и не заметил нашу сигнализацию. Не исключено, что немцы оборудовали ложные посадочные площадки и самолет сбросил грузы на них. У них разведка тоже работает.

Через час полученная из штаба фронта шифрограмма подтвердила мысли командира бригады: «Экипаж самолета доложил о сбросе грузов в указанном районе. Курочкин. Ватутин».

— Угодили-таки к фрицам наши продукты, — с горечью произнес Матяхин.

— Нам надо было четче действовать! — с искренним возмущением заявил Таранов. — А теперь...Милости от природы и погоды более не ждем. Шлыков, Малыгин, передавайте в штаб: «Считаем, что продовольствие сброшено противнику. Отсутствие продуктов вынуждает нас на

---

¹ Продолжение. Начало в №№ 4—5 за 2025 год.

рассвете атаковать Большое и Малое Опуево. Поддержите авиацией. Таранов. Матяхин».

Комиссар согласно кивнул:

— Коротко и ясно!

— А сейчас всему личному составу бригады «Отбой» до 6:00, — приказал Таранов, глянув на часы.

Команду комбрига выполнить помешали неожиданные звуки у входа в шалаш. Брезентовый полог шалаша резко распахнулся, и две фигуры в белых масках втащили третью, которая упиралась изо всех сил. Одной из фигур оказался капитан Ерохин, который, едва переведя дыхание, выпалил:

— Язык, товарищ комбриг! Языка взяли мои бойцы! Здоровый черт попался, брыкается, еле доперли.

С радостным восклицанием: «Ну, молодцом разведка!» — Таранов резво подскочил к Ерохину:

— Кто взял языка? Как дело было?

— Фрица-часового взяли в Малом Опуеве. Комвзвода Сушкевич, — Ерохин кивнул головой в сторону громадной фигуры разведчика в масках, который держал за плечи доставленного в шалаш языка, — и рядовой Сомов, он остался в дозоре наблюдателем.

— Надо этого «часового» допросить с пристрастием. Шлыков, сержанта Горского ко мне срочно!

Радист выбежал из шалаша. По знаку командира бригады Ерохин освободил пленного от кляпа. Выпученные глаза немца понемногу стали приобретать нормальное состояние.

— Шпрехен зи русшиш? — с сомнением в голосе обратился к пленному Таранов.

— Найн, — с ненавистью процедил немец, остановив взгляд на стоящей в углу радиостанции.

Комбриг посмотрел на Матяхина. Комиссар покачал головой — и я, мол, в немецком не силен.

— Пленного обыскивали? — поинтересовался Таранов.

— Так точно! На предмет наличия оружия, — быстро отрапортовал Ерохин.

— Снимите с него балахон и обыщите на предмет наличия личных документов и всего, что найдете.

Разведчики принялись выполнять приказание комбрига. В шалаше появился запыхавшийся от бега комвзвода Горский.

— Спросите у пленного о численности немецкого гарнизона в Малом Опуеве, — нетерпеливо произнес Таранов.

На переведенный Николаем вопрос комбрига немец не ответил.

— Не желает беседовать с недочеловеками?! — с сарказмом резюмировал командир бригады. — А ну-ка передайте мне, Ерохин, фотографию, что нашли у фрица.

Глянув на фото, обратился к Николаю:

— Переводите!

Опуская ненормативное, Николай пояснил немцу, что командир десантной бригады настоятельно рекомендует отвечать на задаваемые вопросы, если у пленного есть желание после окончания войны встретиться с женой и детьми.

Презрительно оттопырив нижнюю губу, немец молчал.

— Разрешите мне убедить этого немного, товарищ комбриг? — нарушил молчание командир взвода разведки старший лейтенант Сушкевич.

Алина ЛЕГОСТАЕВА

УЛЫБАЙСЯ, ЖЕНЩИНА!

Стихи

***

Приснилось? Забылось? А было ли это
В туманной дали промелькнувшее лето?
И давняя встреча, и горечь печали?
Высокие звезды нам не обещали
Ни долгого счастья, ни общего дома.
Там, где-то в пространстве до боли знакомом,
На стёжке лесной, в блеске лунного света,
Два странника встретились, два силуэта.
Не надо им было ни клятвенных слов,
Ни денег, ни славы, ни пышных даров.
Они ослепительно молоды были,
Их ночь обнимала, им звезды светили.
Единым порывом оплавлены души.
И губы, глубинному зову послушны
Из тайных мечтаний и розовых снов,
Шептали, что есть это чудо — любовь...
Казалось: той ночи не будет конца,
Но стерты улыбки и радость с лица.
Теперь вот сомненья терзают поэта...
А было ли это? А было ли это?

ВОПРОС

Где ты, юности волненье?
Страсть во взгляде, в сердце пыл?
Взлет надежд и вдохновенье?
Розы, грезы и шипы?

Радость бурная, и слезы,
И мечты, которых нет?

В те года на все вопросы
Знала молодость ответ.

А сейчас пора другая —
В теле верх душа взяла.
И тревожит, вопрошая:
«Ты зачем, мой свет, жила?»

Я ответ в себе искала.
Но шептало мне чутье,
Что добра свершила мало
В оправдание свое...

ЗЕРКАЛО

Глядит с годами пристальней и строже.
И беспощадней. Правда в нем горька.
То обнаружит складочку на коже,
То новую морщинку у виска.

Оно не льстит, как люди, в утешенье...
Ты улыбнешься — и оно в ответ.
И потому в нем наше отраженье
Правдивей, чем дежурный комплимент.

ЖЕНЩИНЕ

Улыбайся, женщина!
Улыбайся, милая!
Хоть любовь потеряна,
Хоть и жизнь не милует.
Улыбайся вечером,
Улыбайся утром.
В жизни все изменчиво
Потому, что мудро.
Обернется к лучшему
Большинство потерь.
Улыбайся случаю
И в случайность верь.
Улыбайся встречному,
Как самой судьбе.
И еще не встреченный
Встретится тебе.
И пойдешь по жизни ты,
Побеждая зло.
Пусть вослед завистницы
Скажут: «Повезло!»
Только ты, хорошая,
Будешь это знать,
Что улыбкой можно
Мир завоевать!

Татьяна ДАШКЕВИЧ

ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Рассказы

КАТИНА КАРМА

Если бы кто-то захотел рассказать в двух фразах о жизни Кати, то получилось бы вот что: Катю обворовывали на каждом шагу. Она влюблялась в первого встречного.

Стоило этому встречному сказать о том, что у Кати красивые глаза и умные мысли, как она уже готова была разделить с ним судьбу. Просыпается девушка в объятиях принца, жарит яичницу, включает кофеварку, провожает возлюбленного до порога своей неплохо обустроенной квартирки, обнимает мужественные плечи, так необходимые ей в данный момент... А потом недосчитывается денег в кошельке, не находит сережек, сумочек, новых джинсов и других нужных вещей.

— Это — карма, — поправляя очки, с умным видом говорила ей продвинутая подруга Элла. — Ты притягиваешь воров и обманщиков. — И меняла интонации на материнские: — Ну не надо тебе с первым встречным все делить, понимаешь? Сама ты виновата. Построже, поосмотрительней надо быть. Вот погляди на меня...

— Ну? — Катя смотрела на Эллу и думала, что ей скучно, наверное, все время быть одной, жить прогнозами для чужих людей. «Может быть, она — астрологический гений, — размышляла Катя. — Или вообще инопланетянка?»

Элла читала составленные ею же астрологические карты и пророчествовала:

— Ты вообще-то разбогатеешь. Роман у тебя будет, в дороге начнется. Будь внимательней в дороге, не пропусти, — бесполезно предупреждала она, поскольку Катя и так почти никого не пропускала. — Ты куда-то ехать собираешься? В Москву? В Минск? Полетишь? Или на поезде? Ты знаешь, — Элла ткнула в экран маркером, — похоже и на замужество. И дорога, дорога, ну точно, дорога!

— Кассандра ты моя... Не-ет, я уже ученая. Никаких романов. Так без последних штанов останешься... Я эти джинсы в Польше на последние деньги покупала! Мерзавец, негодяй, отщепенец, а я его любила, —

монотонно бормотала Катя, глядя в экран ноутбука. — Это что — вот здесь?

— Сатурн входит в фазу... — Элла энергично поправила очки и с азартом набрала воздуха.

— Нет-нет-нет! — Катя закрыла уши ладошками. — Как его зовут, этого сатурна, ну, который в дороге будет, знаешь? И фамилию, пожалуйста... И номер телефона желательно... И про генетику, про генетику не забудьте, будьте так добры! Я детишек хочу!

Элла надвинула очки на самые брови, вгляделась в экран и промолвила очень таинственно, с такой достоверной степенью сомнения, что не поверить было нельзя:

— Я, конечно, не знаю... Но, мне кажется, я в последнее время стала видеть еще точнее... Вроде бы, имя его начинается на «В».

— О! Вот это мне и надо! — она задумалась. — На «В» у меня никого еще не было... Короче, все на «В» — у моих ног!

— Не все, Катя, не все! — Элла захлопнула ноутбук и зависла в телефоне, в котором часто забулькали пересылаемые ей сообщения.

Катя не хотела тревожить подругу. Она решила наполнить холодильник едой, поскольку запустила дом и себя, долго оплакивая последнего Ромео, капитально ее объевшего, да еще и прихватившего с собой ее кредитную карточку. Это была пятая кредитная карточка, заблокированная ею в соседнем банке. Там уже знали Катю и ведали все ее беды, между собой называли неудачницей и «бедной Лизой».

— Ты тут посиди, а я схожу куплю еды, — Элла кивнула и подвинула мостик очков к переносице. Катя нацепила на пояс барсетку, в которую вору залезть очень трудно, помяла ногами кроссовки, мастерски надвинув их на розовенькие пятки, и пошла в гипермаркет.

Вернулась со слезами:

— Сперли!

— Что?! Что опять сперли? — Элла выронила мобильник.

— Продукты сперли! Только поставила пакет рядом с кассой, отвернулась рассчитать, хват — и нету!

Подруги сначала возмущались, потом — хохотали, шутили про морковь на диету, хрустя морковкой и запивая кофейком, грозили небу кулачками и обвиняли во всем Катину карму.

И действительно, Элла была права: Кате вскоре пришлось покупать билеты на поезд. На работе отправили всех во внеочередной отпуск из-за ремонта. Сердце ностальгически заныло. Она накупила подарков родным, зашла в кондитерский — о, в этом она понимала! — и выбрала племяшкам самые вкусные сладости, а маме и папе — конфеты их детства.

С людьми в купе ей повезло. Наверху спал пожилой дядечка, на соседней нижней полке сидела студентка с учебником по стилистике, над нею — тихо играл в телефон парнишка. Не было неугомонных малышей или пьющих старых друзей. Ни пожилых дам с костылями, ни мусульманских проповедников... Познакомились. Девушка Рита ехала в Брест, парень Димка — в Барановичи, а мужчина храпел и оставался мистером икс.

— Вот вы, Катя, о чем мечтаете дорогой? — Димке не спалось, и он сидел рядом с нею, помешивая ложечкой кофе. Стакан в подстаканнике весело позванивал. — Я мечтаю о том, чтобы не было среди людей лжи, чтобы все друг другу доверяли, жили без замков и ключей в дверях, чтобы все дети дружили с папой и мамой и чтобы каждый на земле

нашел свою половинку, — Дима, должно быть, устал от этой пафосной речи. Он сделал пять больших глотков кофе. — Ой, может, и вам принести? — спохватился.

— Нет, я ночью предпочитаю кефир, — отшутилась Катя и зевнула. Ей уже начинал надоедать болтливый молодой кофеман, и она мечтала залечь на нижней полке, вытянуть ноги, зарыться в хрустящую простыню. Но он сидел рядом. Дима словно прочел ее мысли:

— Вы ложитесь, Катя! А я посижу в уголке. Кстати, я сейчас, — и он вышел, а вскоре вернулся со стаканом кефира.

— Ой, я же пошутила! — Катя растерянно взяла стакан.

— Чуть свет — уж на ногах! И я у ваших ног, — шепнул он довольно громко. Отчего девушка со «Стилистикой» подняла голову и грубовато пробормотала:

— Спать-то будешь, Грибоедов? Утомил уже.

— Уже, уже, уже... — зашептал Дима и полез наверх.

— Спасибо! — помахала ему Катя и отхлебнула кефира. «А он услужливый, — подумала, засыпая. — И мечтательный... Только это не тот — он же не на “В”», — она улыбнулась уже во сне.

Утром проснулась оттого, что попутчики громко играли в города.

— Анапа! Анапа! — кричал с верхней полки дядечка.

— Иваныч, я не глухой! — кричал ему Дима. — Алупка!

— Ой, а я больше не знаю на «А», — Рита перелистывала свою «Стилистику». — Я уже все, что знала на «А», назвала.

— Арзамас! — Катя поднялась но локте и быстро включилась в игру.

В купе заглянула проводница:

— Смоленск!

Все захохотали.

Дима предложил прогуляться по перрону. В киоске он купил Кате мороженое, красиво развернув трубочку купюры, на которой фломастером были начертаны какие-то стертые цифры.

— Я часто езжу, — болтал Димка всякую всячину. — Работа у меня такая.

— Ты в Барановичах работаешь или в Москве? — спрашивала Катя, уплетая эскимо.

— И там, и там, — уклончиво отвечал Димка. — Военная тайна!

— О, так ты — разведчик! И всегда знаешь, где ночью достать кефира?

— Если хочешь — то да! — он загляделся на даму, рассеянно роющуюся в своей сумочке. — И даже днем. Пойдем в вагон? Нас целая бригада. Мотаемся туда-сюда. Сколько я книжек уже перечитал в дороге! Некоторые даже наизусть знаю... «Уж полночь близится, а Германа все нет»...

— Тетенька, похоже, что-то потеряла, — Катя загляделась на даму, которая выложила на скамейку все содержимое сумочки. — Может, у нее кошелек украли, — догадливо предположила она. — Ты знаешь, Димка, ведь у меня постоянно кошельки крадут! Меня так часто обворовывают! Подруга говорит — карма такая. Подруга у меня — астролог.

— Ха, причем тут карма? Ты купи другую сумочку, — сказал Дима с видом знатока и помог Кате подняться в вагон, потом смело взял за руку и повлек в купе. — Такую покупай, чтобы внутри тоже был карман с молнией. Вор залезет в сумочку, расслабится, а за следующую преграду — никогда не пойдет. Он уже бдительность потеряет...

Дядечка сверху закашлялся, и Дима подскочил, подал ему воды.

Лоз горьковатый запах

Отец ушел из жизни, не дожив до 62. Я уже старше его на целый десяток лет, а он остается для меня нравственным ориентиром и мериллом. Так я был воспитан. Благо, в его стихах остались заповеди и прямые советы, на чем строить свою жизнь. Восприняли бы их наши дети, его внуки...

В школьные годы я приезжал с отцом в Гомель и проводил там по пол-лета в Новобелице в семье его младшего брата слесаря, заядлого рыбака и мотоциклиста Михаила, там жила и моя бабушка Екатерина Ивановна. Запомнился на всю жизнь теплый июльский вечер при полной луне возле потрескивающего костерка и палатки в Студеной Гуте у слияния старицы с Сожем. Пойманные дядькой на кузнечика крупные золотые красавицы-красноперки. Сгущающаяся таинственность сумерек и чувство слияния с природой, ощущение загадочности бытия, только начинающегося жизненного пути. В таком настроении хотелось петь и читать

стихи... Никогда после я не видел таких россыпей золотых лисичек, растущих прямо у дороги, кажется, в деревню Терюха. Местные их не брали, а собирали лишь белые. Но и на отдыхе отец, когда появлялось настроение, вынашивал строки стихов, часто повторяя их вслух и оттачивая. Не перестаю удивляться зримой образности многих его стихов, непостижимой для меня. Я и не пытался рифмовать, чувствуя недостижимость такой живописи словом. Куда мне, городскому пареньку, было тягаться с выросшим в деревне отцом в его знании природы и народной жизни?

По приезде в Гомель отец непременно заходил в «Гомельскую правду», где работал его давний друг писатель Михась Даниленко, и новобелицкую газету «Маяк», где у него тоже были знакомые. Бывало, присоединялся к сотрудникам «Маяка» в их рейдах по району. Молодые литераторы, сотрудничавшие с газетами, несли ему на суд свои рукописи, лучшие из которых он помогал опубликовать. Доезжали до его родины

Ветки в гости к Федору Шклярову, тогда еще только мечтавшему создать в Ветке музей. Ныне это прославленный Ветковский музей старообрядчества и белорусских традиций его имени. Добирались и до друга юности Стася Кацубы, учительствовавшего в деревне Рудня-Шлягино, оказавшейся в зоне отчуждения после Чернобыльской катастрофы. Как-то отец в одиночку совершил путешествие по местам детства, деревням, где в голодные послереволюционные годы зарабатывал на хлеб его отец кузнец Михаил Тимофеевич. Им пришлось пожить во многих деревнях. Запомнились их звучные названия: Заужель, Теребеевка, Страдубка, Бушатын, Исаковичи, Переделка. Это на Лоевщине. Путешествие его было похоже на скитание: ночевал в стогу, пек в костре картошку, варил уху из пойманной в Днепре рыбы. Я завидовал. Запомнились услышанные от отца тамошние рыбацкие истории. Как из днепровского зарожка мой дед с напарником вытащили бреднем куль водорослей, в которых вздрагивал черно-золотой линь чуть ли не в полпуда весом.

В 1926-м семья осела на родине Михаила Тимофеевича в Прудке, ныне вошедшем в черту Гомеля. Отучившись несколько лет в школе, отец вынужден был ее бросить, чтобы помогать отцу как старший из сыновей. У моего отца было пятеро братьев и три сестры. Сестры и один брат умерли в детстве. Двое братьев погибли на фронте, один утонул, уцелел самый младший, Михаил. Образование удалось продолжить лишь с девятнадцати лет. Самостоятельно подготовившись, отец с трудом поступил на вечерний рабфак в Новобелице, впоследствии, выправившись в учебе, перевелся на вечерний политехнический рабфак в Гомеле. Начал публиковать стихи в «Полесской правде», участвовал в литературном кружке, где познакомился с будущими известными писателями Кастусем Киреенко, Иваном Шамякиным, Иваном Мележем, которых в дальнейшем переводил.

После окончания рабфака работал учителем литературы и белорусского языка в Романовичах близ Гомеля и учился заочно на филфаке Ленинградского университета. В 1940-м уходит добровольцем на Северный флот, где прошел всю войну. Был морским пехотинцем, потом в бригаде подводных лодок, работал во флотской газете, вступил в коммунистическую партию. В эти годы он состоялся как поэт.

Случайно познакомился с моей матерью тоже по фамилии Ковалёва, которая написала письмо краснофлотцу-герою Ковалёву. О нем она прочитала в газете. Письмо по ошибке отдали отцу, завязалась переписка. Мать после окончания Львовского пединститута распределили работать в школу в селе Юкseeво на Енисее. Мужчин всех забрали на фронт, и она в 22 года стала директором школы. Отец приехал к Антонине Ковалёвой по окончании войны в 1945-м в Юкseeво, там они и расписались в сельсовете.

Поначалу отец с матерью жили то на родине матери во Льгове Курской области, где отец подружился с автором «Районных будней» Валентином Овечкиным и курским поэтом Николаем Корнеевым, то в Минске, где лучшим другом отца стал Янка Брыль. Первая книга стихов «Далекie берега» вышла в Минске в 1947 году. После окончания Высших литературных курсов в 1957-м он был приглашен в Москву заведовать редакцией прозы и поэзии в издательстве «Молодая гвардия». Вел творческие семинары в Литературном институте.

Многих поэтов и писателей, как начинающих, так и уже признанных, довелось мне видеть в нашей двухкомнатной московской квартире на Беговой. Приходил Иван Мележ, когда отец переводил его романы «Дыхание грозы» и «Метель, декабрь». Будучи в Москве, часто заходил

Янка Брыль. Отец переводил его рассказы и миниатюры, а также совместную с Алесем Адамовичем и Владимиром Колесником книгу «Я из огненной деревни». С Брылями мы подружились семьями и переписывались с Иваном Антоновичем до самой его кончины. Я преклонялся и продолжаю преклоняться перед представителями высокого, прямого поколения, прошедшего Великую Отечественную.

Неоднократно бывал у нас якутский поэт Семен Данилов, его произведения тоже переводил отец. Заходили поэты Василий Федоров, Сергей Поделков, Николай Тряпкин, Николай Старшинов, молодые и начинающие. Читали стихи, рассказывали просившиеся на бумагу истории, иной раз вызывавшие взрывы смеха. Из белорусских поэтов отец переводил Аркадия Кулешова, Максима Танка, Петруся Бровку, Нила Гилевича, Пимена Панченко, Владимира Жилку, Анатоля Гречаникова, Олега Лойку, поэтов, погибших на войне, и это перечисление можно продолжать.

Хочу сказать о непостижимой роли случайностей в нашей жизни. Отец любил море. Эта любовь зародилась в детстве от чтения Жюль Верна, хотя он моря еще ни разу не видел. Потому и оказался на Северном флоте. Отца тянуло к живописи. Еще в детстве выковыривал цветные глины из днепровских обрывов, дивясь необычным цветам. Пробовал писать акварельными красками и маслом. Насобирав целую коллекцию художественных альбомов. Не овладев техникой живописи, он научился живописать словом. Я не пошел по стопам отца и поступил на физтех. Но стал не физиком, а математиком, геометром. Жизнь вроде сложилась, ныне я профессор мехмата МГУ, автор университетского учебника, готовлю к изданию книгу «О математических основаниях теории механизмов». А унаследованная от отца любовь к живописи подружила меня с курскими художниками. Провожу с ними пленэры, выставки, собрал картин на целую галерею, которую мечтаю оставить после себя родному Льгову. Стал даже публиковать статьи по изобразительному искусству. Их легко найти в интернете, набрав «Зачем нам навязывают Малевича?» и «Соврискус». Последняя о так называемом современном искусстве, которым западные «партнеры» пытаются заменить искусство настоящее.

Стихотворения Дмитрия Ковалёва, его автобиографию с фотографиями, дневники и критические статьи можно найти в сети. Надеюсь, предлагаемая подборка стихов и переводов позволит составить представление о биографии моего отца, его жизненных и творческих принципах.

Михаил Ковалёв

ДМИТРИЙ КОВАЛЁВ ЛОЗ ГОРЬКОВАТЫЙ ЗАПАХ

А ДУМАЛ Я...

Матери моей Екатерине Ивановне

А думал я,
Что как увижу мать,
Так упаду к ногам ее.
Но вот,
Где жжет роса,
В ботве стою опять.

Вязанку хвороста межой она несет.
Такая старая,
Невзрачная на вид.
Меня еще не замечая,
Вслух
Сама с собой о чем-то говорит.
Окликнуть?
Нет,
Так испугаю вдруг.
...Но вот сама заметила.
Уже,
Забыв и ношу бросить на меже,
Не видя ничего перед собой,
Летит ко мне:
— Ах, боже, гость какой!
А я,
Как сердце чуяло,
В лесу
Еще с утра спешила все домой...
— Давай, мамуся, хворост понесу.
И мать заплакала, шепча:
— Сыночек мой! —
С охапкой невесомаю в руках,
Близ почерневших пятнами бобов,
Расспрашиваю я
О пустяках:
— Есть ли орехи?
Много ли грибов? —
А думал —
Там,
В пристрелянных снегах,
Что, если жив останусь и приду,—
Слез не стыдясь,
При людях,
На виду,
На улице пред нею упаду.

***

*Вам приходилось в половодье
Плыть по Днепру на пароходе?..*

Вода, вода — куда ни глянешь.
Земля далеко — как в тумане.
Луна одна — на целом свете,
Всю ночь высоко в небе светит.
И в дальних, дальних селах где-то
Поют девчата до рассвета...
А детство — только-только скрылось
За гладью той, что заискрилась.
А за неясной гладью — горы.
И память не гнетут укоры...

Алесь МАРТИНОВИЧ

Тайны жизни и смерти Змитрока Астапенко

Одна из самых загадочных фигур в истории белорусской литературы — Змитрок Астапенко. Речь не о его творчестве, оно хорошо исследовано, а о его биографии, особенно периоде после октября 1944 года, когда Астапенко по официальным свидетельствам пропал без вести в Татрах. Но так ли это? Народный поэт Беларуси Аркадий Кулешов был уверен, что как-то заметил его в московской толпе. Возможно, он ошибся, но все-таки литераторы дружили... Свидельство еще одного писателя, который после войны оказался за границей, более интригующее. В разговоре с Борисом Саченко тот утверждал, что Астапенко обращался за помощью в одну с эмигрантских редакций. Борис Иванович, услышав это, запротестовал: «Змітрок Астапенка, накойкі я ведаю, загінуў у 1944 годзе ў Славакіі. Яго скінулі туды з самалёта разам з групай арганізатараў партызанскага руху ці разведчыкаў. Перад гэтым жа Астапенка быў у Маскве, сустрэкаўся з Максімам Лужаніным, іншымі беларускімі пісьменнікамі. Перадаў на захаванне Максіму Танку свае рукапісы — паэму «Эдэм» і вершы».

В ответ прозвучало: «Я раскажваю тое, што было, чаму быў сведкам. Ліст гэты пераслалі з рускай газеты, што таксама выходзіла ў Берліне. <...> Змітрака я ведаў, сустрэкаўся на этапах, у турмах. Ад Змітрака ўсяго можна было чакаць, чалавек ён быў неардынарны, адукаваны, таленавіты, адчайны. Ён наднаразова ўцякаў. Усё магло здарыцца, калі ён апынуўся ў Славакіі, мог там і не загінуць».

И вдруг, а было это в самом начале 1990-х, мне позвонил Сергей Граховский:

— Зайдите, Алесь, к сестре Астапенко. Ей пришло официальное сообщение КГБ о гибели брата.

На бланке, подписанном начальником архива А. Т. Жадобиным, сообщалось, что Змитрок Астапенко в составе подразделения разведчиков 28 сентября 1944 года был переброшен из Москвы на территорию Чехословакии, а 7 октября его и еще шесть человек отправили с заданием в город Кежмарок. Что произошло дальше, неизвестно. Правда, сестра Астапенко Нина Емеяльновна утверждала, что радистка в группе оказалась предательницей. Но откуда она об этом узнала, кто ей сказал, не помнила. Подобное утверждал и писатель Станислав Петрович Шушкевич. И это только одна из многих загадок в жизни Змитрока Астапенко. А если вспомнить их все — хоть приключенскую повесть пиши. Биография писателя богата интересными фактами.

Родился 23 ноября 1910 года в семье учителей деревни Колесники Мстиславского уезда Могилевской губернии, теперь Хиславичский район Смоленской области Российской Федерации. В 1929 году окончил Мстиславский педагогический техникум, где познакомился с Аркадием Кулешовым и Юлием Таубиным. Троица быстро и неразлучно сдружи-

лась. И после в литературном сообществе друзей прозвали «мстиславцами». Астапенко и Таубину, уже посмертно, Кулешов посвятил стихотворение «Маналог», а в поэме «Далёка да акіяна» они упоминаются как Юлий Гомон и Змитрок Притапенко.

На Змитрока Астапенко рано обратил внимание народный песнярь Якуб Колас и подарил ему одну из своих книг. Было это в 1928 году, к этому времени стихи молодого поэта уже два года выходили в печати. Через год поступил на литературный факультет Минского педагогического института. Но тут опять начинаются загадки биографии. Есть сомнения, что педтехникум в Могилеве поэт окончил. По одной из версий перевелся из него в Белорусский педтехникум в Минске, а потом перешел в Белорусский государственный университет. Встречается и такой вариант: из Белпедтехникума исключили, поскольку с товарищами удрал, когда студентов заставили убирать мерзлую картошку. За такой неблагоприятный поступок исключили с волчьим билетом. Но как же тогда он очутился в БГУ? Существует версия, что университет он не оканчивал. А в некоторых биографиях указано, что учебу он совмещал с работой: в Книжной палате, в редакциях республиканских газет и журналов (но вот конкретно в каких, не уточняется).

Известно, что в разное время Змитрок Астапенко входил в литературные объединения «Маладняк» и Белорусскую ассоциацию пролетарских писателей. А еще являлся «тавізаўцам». «ТАВІЗ» — это шуточное «Таварыства аматараў выпіць і закусіць», созданное молодыми литераторами. Обычно собирались на квартире Михася Багуна. Если хотелось новых впечатлений, шли в шашлычную или пивнушку. Иногда и в ресторан при Союзе писателей. Но такая богемность нисколько не вредила его творчеству.

Змитрок Астапенко начинал писать, как и десятки молодых поэтов, впечатленных великими социально-политическими изменениями:

Хто шчаслівы жыць сягоння,
Хай кладзе муры стагоддзяў,
У каго, як сталь, цягліцы
І палёт надхмарны думак —

Панаружвайце цягліцы!
Напружыньце ўзлёты думак!
З новай песняй, нашай песняй
Узнімайцеся, ідзіце —

На ўсход сонца!
На ўсход сонца!

Этому стихотворению близко и другое — «Агнямі і кроўю сардэчных паэм...» Близко тем, что, казалось бы, соединить невозможно: космический полет мысли, далекий от реальности, и саму реальность. Искренности чувств Змитрока Емельяновича нельзя не верить:

Агнямі і кроўю сардэчных паэм,
Ваганнем артэрыяй няспынным
Мы славу, вялікую славу пьем
Табе, дарагая краіна!

Характерны для творчества Змитрока Астапенко поэтизация новой жизни, осмысление революционных преобразований в обществе. Не

обходил вниманием и тему угнетения народа. Темпераментностью, своеобразным «трибунным звучанием» наполнен цикл «Абурэнне», в основе которого — западнобелорусский материал. В этих строчках чувствуется авторская приверженность повествовательной манере, развернутой подаче поэтического рисунка. Однако социальная наполненность строк очень яркая. «Адпомсціце, мужыкі, // за шэрыя папялішчы!» — в этом плаче не только боль женщины, потерявшей своего ребенка, и не только «роспачнае, страшнае», что слышится в шепоте «аераў звонкіх», это и призыв поэта к борьбе, которая поможет разрушить границы «для ўсяго невыказна вялікага свету».

Змитрок Астапенко уже в начале 1930-х занял свое место в белорусской литературе, раскрыв потенциал таланта. Это проявилось и в неоконченной песне-поэме «Два таварышы», о которой поэт сказал: «Паэма навеяна фактамі масавага пераходу ў Краіну Саветаў сялян Заходняй Беларусі ўвосень 1931 года. Пераходзілі мяжу двух светаў з боем, з маёмасцю. Пераходзіла моладзь — хлопцы, дзяўчаты з вечарынкi, з гармонікам. Апошні факт лёг у аснову песні-паэмы».

Произведение пронизано белорусской народной мелодичностью, которая то появляется на поверхности эпического рассказа, то уходит в глубину, в подтекст. Использование народной песни позволило автору в короткой, казалось бы, истории раскрыть персонажей, которые не только воплотили в себе индивидуальные черты, а стали в некоторой степени и носителями лучших качеств народа.

Стремясь к жанрово-тематическому расширению задач поэзии, Змитрок Астапенко стал одним из первых, кто в стихотворениях показал антагоничность двух миров. Например, в цикле «Ноч на станцыі Негарэлае»:

Шмат я станцый страчаў у вандроўнай начы,
Але гэтай апошняй не бачыў ніколі,
Што ўвесь свет падзяляе на наш і чужы
На прымежным краі беларускага поля.

Работал плодотворно. Один за одним выходили поэтические сборники «На ўсход сонца», «Краіне» (оба 1931), «Абураныя» (1932). Для детей — книжка-раскраска «Трактар» (1933). И хотя на творческом вечере 5 февраля 1931 года друзья по перу критиковали его за «панаванне інтымных матываў і захапленне прымітывам сялянскага жыцця», подобные комментарии для того времени были обычным явлением. Все задиристые, хотя и дружили, спуску не давали, если с чем-то не соглашались. На критику не обращал внимания. Не до нее было — имелось немало творческих планов. Об этом свидетельствует и «Рэквіем» Яна Скрыгана. Ян Скрыган проявил себя не только как чудесный прозаик, но и оставил немало воспоминаний, богатых фактическим материалом. Мемуары о Змитроке Астапенко интересны тем, что проявляют его характер.

Вот, например, как вспоминал Скрыган встречу, где они говорили о замысле фантастического романа Астапенко «Выпрабаванне сіл»: «У мяне ён раптам папытаўся, ці не хачу я пабыць у Германіі. Чаго? Навошта? Якім чынам?» I тут жа не менш нечаканы адказ самога Змітрака Астапенкі: «— Ах, гэта я так сабе. Давай пойдзем да мяне, ды я табе пачытаю новыя вершы». Но дальше все оказалось еще более неожиданным: «...вершаў ён не чытаў, а, як толькі зачыніў дзверы, здзівіў новым пытаннем: ці хачу я пабачыць усё, што робіцца ў яго ў доме?»

Для национальных авторов главное — быть востребованным своим народом

Интервью с калмыцкой писательницей Риммой Ханиновой

Исполнилось 70 лет известной калмыцкой писательнице и литературоведу Римме Михайловне Ханиновой. Дочь белорусского партизана и калмыцкого поэта, переводчика Янки Купалы на калмыцкий, почетного гражданина белорусского города Березино Михаила Хонинова. Римма Михайловна — частый гость в нашей стране. Совсем недавно на Международном симпозиуме литераторов «Писатель и время» в Минске Римме Ханиновой вручили билет члена Союза писателей Беларуси. Мы решили задать писательнице, доктору филологических наук несколько вопросов.

— Римма, за плечами богатая творческая жизнь... Что все-таки подвигло в литературу — пример отца, лично открытые первоосновы творчества или что-то другое?

— Да, сейчас для меня время подведения определенных итогов. Стихи начала писать в семь лет, прозу — уже в старших классах. Вероятно, трудно выделить какой-то один фактор, повлиявший на мой путь в литературу. Думаю, это совокупность, в которой не последнюю роль играют отцовское творчество, наследственный код, филологическое образование, преподавательская работа в Калмыцком государственном университете, научная деятельность. Поэтому у меня три направления — наука; собственное творчество: поэзия, проза, драматургия, переводы; художественное наследие отца, ушедшего из жизни в 1981 г.

— Сложно ли работать, обозревая большой литературный процесс из российской глубинки? Не приходится ли прорываться через налет провинциализма?

— Сложно работать в литературе было во все времена. И то время, которое мы проживаем, — не исключение. В калмыцкой литературе был период 1960—1970-х гг., когда калмыцкая русскоязычная поэзия находилась на периферии литературного процесса, не была вписана в общий ее аспект. Сейчас иная диспропорция: калмыцкие русскоязычные авторы доминируют в количественном отношении, но не всегда в плане качества. Поскольку я еще и литературовед, то нахожусь в курсе общероссийского литературного процесса. Научная, преподавательская судьба обязывает. Да, писателю из российской глубинки трудно

прорваться к всероссийскому читателю: отсутствие государственной поддержки, литературных связей, издательская политика, учитывающая, как показывает жизнь, исключительно рыночную экономику. Хотя очевидно, что именно сейчас ситуация меняется к лучшему. Например, в «Литературной газете» есть проект «Многоязыкая лира России», где периодически печатаются произведения национальных авторов на русском языке и в русском переводе. Но таких примеров немного. Что касается налета провинциализма, то литература определяется другим качеством — настоящая или псевдолитература. Для национальных авторов, считаю, главное — быть востребованным своим народом, продолжить национальную традицию в новом ракурсе, выразить свою национальную идентичность, тогда они будут интересны и для общероссийского читателя.

— Расскажите о своих наставниках в поэзии, прозе, в литературоведческих поисках?

— Первым наставником в литературе для меня был, конечно же, отец — Михаил Ванькаевич Хонинов. Творчество его многогранное: он и поэт, и прозаик, и драматург, и переводчик. С пятого класса я помогала ему: печатала его произведения, занималась почтой, была своеобразным литературным секретарем. Поэтому с детства была знакома с писательской лабораторией, с писательской средой. Он-то и благословил меня, предупредив, насколько труден этот путь в литературе для женщины. И предложил все-таки в качестве основной профессии избрать филологию, литературоведение. В 17 лет трудно определить, есть ли у тебя творческий дар или это простое увлечение юности, а со временем все выяснится. Так оно и случилось. Первые мои рассказы были написаны и напечатаны при его содействии. Но первые мои опубликованные стихи и книги отец, к сожалению, не увидел. Глядя на меня, десятиклассницу, он мечтал, что в будущем я займусь переводами его произведений. С конца 1990-х гг. мною переведены и опубликованы в русском переводе многие его стихи, поэмы, рассказы.

Другими наставниками стали мировая, русская и калмыцкая литературы. Свыше 30 лет преподавала русскую литературу в нашем университете, сейчас работаю в отделе фольклора и литературы Калмыцкого научного центра Российской академии наук, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник. После многолетнего исследования русской литературы сейчас занимаюсь преимущественно изучением калмыцкой словесности. Благодарна своим научным наставникам из Ленинградского государственного университета, Ставропольского государственного университета, Московского государственного университета.

— Основу ваших трудов в значительной степени составляет внимание к творчеству отца — фронтового и партизанского писателя Михаила Хонинова. Насколько в этой работе вас поддерживают государственные, общественные институты?

— Я много лет занимаюсь изучением русской и калмыцкой литератур, автор десятков монографий, учебных пособий, хрестоматий, статей в этом направлении. После ухода из жизни отца, с конца прошлого столетия и доныне занимаюсь его художественным наследием

и в научном формате. А так же перевожу его произведения на русский язык, публикую, издаю книги, в том числе и совместные. К сожалению, издаваться с 1991 г. приходится за семейный счет. В 1991 г., кстати, вышла документально-художественная повесть «Сражение продолжается» о белорусском периоде его партизанской борьбы в 1942—1944 гг. Но благодаря Калмыцкому научному центру РАН начато издание его собрания сочинений на калмыцком языке (2018 г.), к 100-летию юбилею проведена всероссийская научная конференция с международным участием, опубликована антология одного стихотворения «Стану красным тюльпаном» на языках народов России и мира (2021 г.). В свое время отцовское творчество в этнопедагогическом аспекте рассмотрела моя младшая сестра Эльза, защитив кандидатскую диссертацию.

— Тема войны, патриотического отношения к военной памяти — сохраняется ли все это в сердцах молодых читателей?

— Да, в последнее время тема Великой Отечественной войны, историческая память о ее героях на полях сражений и в тылу становятся более актуальными. В год 80-летия Великой Победы над фашизмом, в год, объявленный в России Годом защитника Отечества, все более очевидна необходимость сохранения исторической правды о прошлом, защиты ее от фальсификации и искажения, сплочения народов во имя мира и справедливости. Проводится большая работа в этом направлении, в том числе и через книжные проекты. В канун знаменательной даты в издательстве Калмыцкого научного центра вышла составленная мною антология «Победа», в которой представлены стихи и рассказы калмыцких писателей разных поколений о Великой Отечественной войне на калмыцком и русском языках. К сожалению, среди авторов нет молодежи, у нее нет произведений, посвященных этой теме. Я включила в антологию и свои новые баллады о войне, написанные на основе реальных историй: «Баллада о коровах» и «Баллада о детстве».

— Вы частый гость в Беларуси... Поделитесь вашими впечатлениями о сегодняшнем дне Республики Беларусь, свободу которой с оружием в руках отстаивал партизан и поэт Михаил Хонинов.

— Я рада, что смогла побывать в Беларуси в последние годы. Ранее частыми гостями были мои родители и младший брат Айта. По приглашению Министерства информации Республики Беларусь и Союза писателей Беларуси я принимала участие в международных книжных выставках-ярмарках, Международном симпозиуме литераторов «Писатель и время», где познакомилась как с белорусскими коллегами, так и с коллегами из России и других стран. В этом плане Беларусь — знаковая площадка для международных литературных контактов писателей, здесь завязываются знакомства, начинается творческое сотрудничество, в том числе через переводческую деятельность, взаимные публикации, обмен опытом. Все это содействует расширению литературного процесса и пространства. Особенно рада тому, что в Беларуси не забывают своих защитников в годы прошедшей войны, берегут их память, сохраняют их творческое наследие. Михаил Хонинов — почетный гражданин города Березино Минской области, там есть улица его имени, а теперь и мемориальная доска на доме № 29. Я побывала на открытии

мемориальной доски 8 февраля 2019 г. Дружу с сотрудниками Березинской районной центральной библиотеки, которые много делают для сохранения памяти о моем отце. Дружу и с сотрудниками Могилевской областной библиотеки им. В. И. Ленина, обмениваемся информацией. Я дарю белорусским библиотекам книги о жизни и творчестве Михаила Хонинова.

Я посетила литературные музеи Янки Купалы, Якуба Коласа, музей-мастерскую Заира Азгура, Белорусский государственный музей Великой Отечественной войны, те места, с которыми связана военная и литературная судьба Михаила Хонинова. Это отцовские переводы классиков белорусской литературы на калмыцкий язык, это отцовский бюст работы Заира Азгура, это материалы о его партизанской биографии.

— Как вы оцениваете сегодняшний уровень состояния белорусско-калмыцких литературных связей? Что, на ваш взгляд, требует большего внимания?

— В начале 1960-х гг. благодаря Михаилу Хонинову и Петрусь Бровке начались активные литературные контакты между нашими народами. Это и взаимные публикации произведений, и переводы, книжные издания на калмыцком и белорусском языках (например, сборники Давида Кугультинова, Михаила Хонинова, Янки Купалы), и интервью, заметки, статьи, воспоминания. В 1940 г. Максим Танк побывал в Элисте на праздновании 500-летия калмыцкого героического эпоса «Джангар», у него есть несколько стихотворений на калмыцкую тему: «Пиала», «Менде». Белорусская тема — одна из главных в творчестве моего отца. Теперь эту эстафету подхватила и я. У меня стихи и рассказы на белорусскую тему опубликованы здесь, в Минске, в газетах и журналах, в том числе в переводе на белорусский язык. В «Литературной газете» в последние годы напечатаны два моих рассказа о войне — «Знамя» и «Картина». Они посвящены реальным героям-белорусам. Военный рассказ «Сан Саныч» переведен на белорусский и напечатан в Минске. Михаил Поздняков и Эрдни Эльдышев взаимно издали свои книжки стихов в калмыцком и белорусском переводе. Произведения современных писателей Калмыкии и Беларуси появляются в периодической печати. Другой уровень литературных контактов — это антологии. Может, в будущем получится обменяться такими антологиями произведений. Кроме того, конечно, необходима литературная критика. В этом аспекте есть мои статьи, в том числе и совместные с Алесем Карлюкевичем, о наших литературных контактах, о литературных связях наших классиков — Михаила Хонинова и Максима Танка.

— Благодаря вашим стараниям в Калмыкии развивается художественный перевод. Какие государственные программы в этом направлении могли бы способствовать расширению его места в общекультурном процессе?

— К сожалению, проблема художественного перевода национальных литератур в России особенно актуальна по причине ее многонациональности, так как с конца 1990-х гг. нет постоянной государственной поддержки в этом направлении, нет государственных программ. Раньше школа художественного перевода в ракурсе национальных литератур

страны была одной из лучших. Со временем из-за смены поколений, отсутствия профессиональной подготовки переводчиков именно для национальных литератур России можно говорить о кризисе в этом плане. Проблема решается местными писательскими силами или личными контактами, обычно безвозмездными: обмениваются взаимными переводами, так проявляется творческая солидарность. Быть может, это одна из причин активизации русскоязычных писателей из национальных литератур, отдающих предпочтение другому языку. Как всегда, требуются совместные усилия в этом плане — и государства, и писателей.

Я перевожу на русский язык лирику калмыцких поэтов, прежде всего классиков, поскольку на рубеже веков до сих пор не все произведения переведены, а профессиональных переводчиков немного, и они заняты переводом произведений современных авторов. Хотелось бы больше представить в переводах и творчество Михаила Хонинова. Благодаря моим друзьям-коллегам его стихи переведены на многие языки народов России и мира, в этом я вижу проявление диалога культур и литератур, дружбы между странами.

— Какой вам представляется будущее национальных литератур — белорусской и калмыцкой?

— Мы с коллегами, гостями международных книжных ярмарок-выставок и международных симпозиумов литераторов в Минске, обменивались мнениями по поводу современного литературного процесса в своих странах и в Беларуси. Выразили восхищение тем, как осуществляется государственная поддержка литературы у вас, которая реализуется в разных форматах, в том числе через книжные проекты. Главное для литературы — это преемственность поколений, появление молодых дарований. У нас, в Калмыкии, сейчас происходит смена поколений, и молодежь, не владеющая родным языком, в основном ориентируется на русскоязычного читателя. Происходит некий разрыв с национальной традицией. Это реалии времени. Один из выходов вижу в том, чтобы это русскоязычное творчество наших писателей выражало национальную идентичность, таким образом охраняя связь с историей калмыцкой словесности. Помощь в этом может оказать и литературная критика. Будущность белорусской литературы мне видится более цельной, судя по государственной политике, усилиям писательских сообществ, книгоиздательской деятельности. Как всегда, большая роль в этом плане принадлежит энтузиастам, подвижникам национальных литератур, которые много делают для консолидации творческих сил, международных литературных контактов, выступая полпредами мира и культуры.

Горжусь тем, что два года назад была принята в члены Союза писателей Беларуси. Для меня честь представлять калмыцкое писательское сообщество в белорусском пространстве. Надеюсь, что совместными стараниями мы сможем способствовать будущности наших литератур.

**Беседовал Микола Берлеж
Элиста (Россия, Калмыкия) — Минск**

Анна ОСИПУК

«Что же ты, котик, ничего мне не пишешь...»

Структурные и лексические особенности эпистолярного жанра начала XX века (на примере открыток из собрания Брестского областного краеведческого музея)

Письмо относится к эпистолярному жанру и является одной из древнейших форм литературы. Оно долгое время было единственным средством общения между людьми, лишенными непосредственного контакта.

Письмо, соответственно, и особая разновидность текста. Однако в сравнении с другими текстами жанр письма диктует большую стереотипность выражений, набор соответствующих этикетных высказываний. Характерной для него является структура из нескольких частей: обращение, вводный абзац, основная часть, концовка, подпись.

В собрании Брестского областного краеведческого музея хранится более 150 писем разных периодов истории. В этом тексте речь пойдет о письмах семьи Григорьевых, написанных на почтовых открытках в период с 1905 по 1917 гг. на русском и польском языках. Были проанализированы 22 почтовые открытки из фондовой коллекции «Открытки и конверты», содержащие открытые письма. Семнадцать из них — это переписка между жителями Брест-Литовска, супругами Тимофеем и Климентиной Григорьевыми. Переписка между ними началась в 1905 г., когда Тимофей Григорьев проходил срочную службу в 3-м железнодорожном батальоне на Дальнем Востоке и был участником русско-

японской войны. В то время Тимофей и Климентина еще не были жена-ты. Александре Чижевской (мать Климентины) адресованы две открытки от сына Вацлава. Две открытки адресованы Тимофею Григорьеву от друзей и родственницы Ани, и одна — И. Чижевской от подруги С. Касириковой.

В первой части письма обычно помещается приветствие и обращение к адресату. Тимофей Григорьев все письма адресовал «Ея Высокоблагородию Климентине Чижевской (в замужестве Григорьевой. — А. О.)», чем демонстрировал глубокое уважение к невесте, а позже к жене. Обращение «Ея (Его) Высокоблагородию» было характерной этикетной формой для писем начала XX века. Такую же форму адреса использует и Вацлав Чижевский в письмах к матери.

Степень близости и любви также передают обращения «Дорогая Климуся!», «Дорогая, Климусенька!», «котик», «котичек», «золотко». Уменьшительно-ласкательная форма слов используется для того, чтобы передать чувство нежности по отношению к любимой.

В ответном письме Климентина употребляла окказионализмы, содержащие неспецифические для русского языка уменьшительно-ласкательные окончания -сё: «Дорогой Тимусё!», «Котусё». Она называла супруга, сочетая русские и японские формы слов. Скорее всего, это было их семейное милое обращение, связанное со службой Григорьева на Дальнем Востоке в период русско-японской войны.

Также встречаются обращения «Дорогой Тимоша!» (так к Тимофею Григорьеву обращается друг Володя) и «Тимоша» (родственница Аня). В письмах, адресованных матери, употребляется обращение «Дорогая мамуля!». Одно из писем, адресованных И. Чижевской, которая была сестрой милосердия Лазарета № 17 в Екатеринодаре (теперь Краснодар), содержит обращение «Христос Воскресе, дорогая сестрица». В письмах наиболее распространена форма обращения, включающая слова «дорогой/дорогая», которая, в зависимости от контекста, выражает либо интимный характер, либо является нейтральной, эмоционально неокрашенной.

Олег ЖДАН

Свет есть!

Рецензия на сборник прозы молодых писателей «Вазьмі сваю свяцільную»

Веселые будни семьи Курочкиных

Сборник открывает юмористическая повесть Андрея Сидорейки «Маладыя, або Вясёлыя будні сям’і Курачкіных». Название говорит само за себя. Вот одна из многих новелл: «Неверагодная шчодрасць». Прежде всего следует сказать, что молодые люди не так давно сыграли свадьбу и проблемы, с которыми они сталкиваются, обычные для молодых семей.

...В тот день Михаила вызвал председатель профкома и поинтересовался, получил ли он заработную плату. Михаил утвердительно кивнул.

— А кто будет членские взносы платить? Кто будет на средства массовой информации подписываться?

Так долгожданная зарплата стала немного меньше. Зато Максим больше ничего не должен профкому, а читать будет аж пять газет.

Тут завибрировал его мобильный телефон. Звонил друг Толик, попросил одолжить пять рублей на пару дней.

— Могу одолжить и двадцать, — ответил Михаил.

Сказано — сделано. По дороге домой вспомнил: нужен в хозяйстве фонарик и электродрель. Правда, такие покупки стоят недешево... Зато теперь у него есть все, о чем мечтал целый месяц.

На остановке, откуда Михаил добирался к дому, стоял киоск, где продавали всякие мелочи, в том числе лотерейные билеты, и розыгрыш обещали в ближайший выходной. «А вдруг выиграю автомобиль?» — мелькнула хорошая мысль. И снова уменьшилась в руках сумма зарплаты. Но — автомобиль...

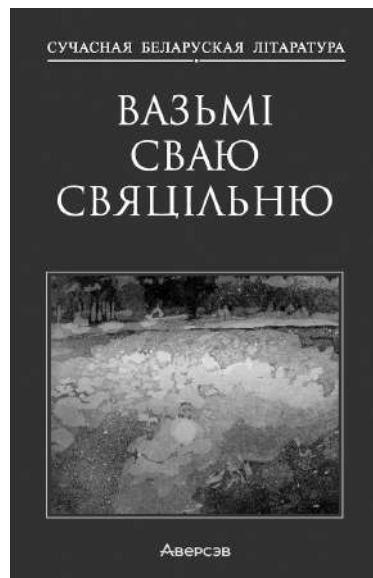
Заглянул Михаил и в магазин рядом с домом. Набрал всякой необходимой всячины и, довольный собой, отправился домой.

К сожалению, любимая женщина не разделила радости мужа.

— Где деньги?! — поставила вопрос ребром.

— Вот, — ответил Курочкин и положил на стол несколько мятых купюр.

Маша не разговаривала с ним целую неделю.

МОЗГО Владимир Минович. Родился в 1959 году в городском поселке Зельва Гродненской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, переводчик, публицист. Автор двух десятков книг поэзии и детской литературы. Лауреат Национальной литературной премии Республики Беларусь, премии Федерации профсоюзов Беларуси и Республиканского литературного конкурса «Золотой Купидон». Живет в Минске.

РЕЗАНОВИЧ Анатолий Иванович. Родился в 1958 году в деревне Рубель Брестской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета, Академию управления при Президенте Республики Беларусь. Автор многих художественных и публицистических книг, среди которых «Волчья жизнь», «Постижение истины», «Отшельник», «Полынь-вода» и др. Живет в Минске.

КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО Тамара Ивановна (ГУСАЧЕНКО Тамара Ивановна). Родилась в 1948 году в деревне Щепятино Брасовского района Брянской области (Россия). Окончила филологическое отделение Брянского государственного педагогического института. Поэт, прозаик, публицист, детский писатель. Автор 28 книг и слов гимна города Витебска. Награждена медалью и орденом Франциска Скорины. Лауреат Национальной литературной премии Республики Беларусь и ряда международных литературных премий. Председатель Витебского отделения ОО «Союз писателей Беларуси». Живет в Витебске.

ТУЛИНОВ Владимир Максимович. Родился в 1947 году в городе Житомире в семье военнослужащего (Украина). Окончил Военный институт иностранных языков (Москва). Прозаик, публицист, поэт, переводчик. Автор книг «Язык мой — друг мой», «Победа одна на всех», «Восточное направление». Живет в Минске.

ЛЕГОСТАЕВА Алина Антоновна. Родилась в 1941 году в деревне Веретей Поставского района Витебской области. Окончила Витебский государственный педагогический институт. Автор поэтических сборников «На вертикали сердца», «Яблочный Спас», «Когда-нибудь» и др. Лауреат Республиканского литературного конкурса «Лучшее произведение года» (2012). Живет в Минске.

ДАШКЕВИЧ Татьяна Николаевна. Родилась в 1968 году в поселке Озерище (ныне Минск). Окончила Литературный институт имени А. М. Горького, семинар Льва Ошанина. Поэт, прозаик, переводчик, публицист. Автор ряда книг для детей и взрослых. Лауреат многих республиканских и международных литературных премий и конкурсов. Живет в деревне Валерьяново Минского района.